Лоу Цинцин случайно погибла, Лоу Яояо должна была радоваться. Ведь и при жизни она не давала Лоу Яояо покоя, и после смерти тоже не давала. Но у нее не получалось.

Пока на телефон не пришло уведомление о текстовом сообщении, Лоу Яояо только тогда пришла в себя. Она дотронулась до своего лица и увидела, что оно залито слезами. Она плакала… плакала? Почему она должна плакать? Эти двое были совершенно недостойны ее слез!

Лоу Яояо не стала вытирать слезы, а сразу же открыла сообщение на своем телефоне — это был ответ Цинь Чжи. В нем было только одно слово «хорошо», не было даже знаков препинания, но Лоу Яояо все равно была очень довольна. Она смотрела на него снова и снова, и все равно ей было мало.

Когда Чэнь Хао и Лоу Цинцин открыли дверь и вошли, они увидели, что Лоу Яояо стоит у окна с лицом идиотки, но на ее лице все еще были слезы.

Они испугались: неужели Лоу Яояо сошла с ума?

Лоу Цинцин подавила радость в сердце и позвала:

— Яояо.

Лоу Яояо только тогда заметила двух человек, нахмурилась, достала салфетку, чтобы вытереть слезы, и с отвращением посмотрела на этих двух людей. Лоу Цинцин, которая была на семь лет моложе, зачесала волосы в хвост, на ней была простая серая клетчатая блузка, застиранные белые джинсы и пара белых матерчатых туфель. Она была похожа на деревенскую девушку, простую и незамысловатую, словно вся семья над ней издевалась, не то что спустя несколько лет, когда она стала манящей и красивой. А Чэнь Хао был одет в свою фирменную белую рубашку и белые брюки на заказ, он был полон солнца и, как всегда, красив.

Лоу Яояо закатила глаза:

— Лоу Цинцин, не называй меня так, я с тобой не знакома.

— Яояо, я знаю, что ты все еще злишься на меня, все еще винишь меня, но я действительно не брала твои вещи. Вещь, которую ты вчера искала, тетя уже нашла. Это ты небрежно бросила ее под стол.

Фан Силэй никогда не скрывала своего отвращения к Лоу Цинцин, естественно, она никогда бы не позволила Лоу Цинцин называть ее мамой.

Услышав обиженный голос Лоу Цинцин, Лоу Яояо стало плохо. Упала под стол? Неужели ее глаза были сделаны из пластмассы, и она не могла разглядеть такую большую коробку?

— Ладно, недоразумение исчерпано.

Глядя на то, как Лоу Яояо ведет себя все хуже и хуже, Чэнь Хао достал что-то из сумки:

— Яояо, ты, наверное, проголодалась, я принес тебе твой самый любимый клубничный торт.

Лоу Яояо не захотела смотреть на них, а сразу отправила:

— Доктор сказал, что мне нужен спокойный отдых, пожалуйста, идите!

Чэнь Хао подумал, что она все еще злится, к тому же он пришел вместе с Лоу Цинцин, Лоу Яояо наверняка ревнует. Он понимающе улыбнулся и успокаивающе сказал:

— Яояо, как бы ты ни злилась, ты не должна вредить себе, будь послушной и сначала съешь свой завтрак!

Быть послушной? Да пошел ты!

Лоу Яояо почти не сдержалась, чтобы не разбить свой телефон о его лицо. Но так как ей не хотелось расставаться с текстовым сообщением в телефоне, она сдержала этот порыв. Она позволила им уйти именно потому, что боялась, что не сможет контролировать свой гнев и возьмет стул, чтобы разбить им лица. Она, конечно, не хотела снова начинать жизнь с чистого листа, который был заработан с огромным трудом, но из-за этих двоих был раздавлен насмерть и потерян напрасно!

Чэнь Хао едва не показалось, что у него помутилось зрение, что же он увидел? Ту, что всегда была послушна ему, видящую, слышащую и повинующуюся Лоу Яояо, в глазах которой, всегда вызывавших восхищение и тоску, плескалось нескрываемое отвращение, нет, не просто отвращение, а ненависть.

Чэнь Хао нисколько не сомневался, что она хочет накинуться на него и задушить!

— Яояо…

Лоу Яояо не успела ничего сказать, как схватила подушку и стала колотить ею обоих:

— Убирайтесь, пожалуйста, убирайтесь, я не хочу видеть вас двоих, парочка обманщиков!

Золушка или принц — не ее дело, хотят ли они играть с любовью или с грязью, извините, но она не будет больше составлять им компанию, пусть развлекаются сами!

Фан Силэй, войдя в палату, увидела такую сцену: у дверей палаты Чэнь Хао прикрывал Лоу Цинцин, две жалкие фигурки уворачивались, а Лоу Яояо держала подушку и злобно била их по голове и лицу!

Фан Силэй подняла брови, не говоря ни слова, совершенно не собираясь вмешиваться, пока Лоу Цинцин, наконец, не увидела ее и не закричала:

— Тетя Фан!

Лоу Яояо повернула голову и увидела свою маму, стоящую сбоку, она также не знала, как много видела ее мама, она вдруг почувствовала себя несколько неловко, минуту назад она с готовностью набросилась на ник, как строптица, конец…

Одежда Чэнь Хао была в полном беспорядке, хотя он и находился в плачевном состоянии, но был необычайно спокоен и приветлив:

— Тетя Фан.

Лоу Цинцин, стоявшая рядом с ним, одернула уголок одежды и с видом обиженной молодой замужней женщины, испытывающей гнев от того, что ее обидели, не решилась заговорить.

В отличие от нее, свирепая Лоу Яояо, державшая подушку, выглядела неразумной!

Фан Силэй невозмутимо спросила:

— Что здесь происходит?

— Тетя Фан, мы пришли навестить Яояо, но Яояо, она… — Лоу Цинцин не стала продолжать, но в этом не было и необходимости.

— Ну, вы оба идите, а я поговорю с Яояо, — Фан Силэй не изменила своего выражения.

Чэнь Хао посмотрел на Лоу Яояо и тактично удалился, он был очень озадачен:

«Как могла Лоу Яояо так измениться, после того, как мы не виделись всего один день?»

Лоу Цинцин тоже была в недоумении, но у нее не было другого выхода, кроме как уйти. Она всегда была послушна перед Фан Силэй, а также не хотела разрушать сложившееся впечатление.

Увидев, что они ушли, Лоу Яояо послушно позвала:

— Мама.

— Да, — Фан Силэй затащила Лоу Яояо в палату, а сама все еще думала, как объяснить причину отсутствия Лоу Юаньчжи, чтобы не было очень грустно. Глядя на мать, нахмурившую брови и молчавшую, Лоу Яояо нервно сказала. — Мама, ты сердишься?

Фан Силэй опешила:

— На что мне сердиться?

Лоу Яояо хотела что-то сказать, но заколебалась.

— Дурочка, я твоя мама, я никогда не помогу постороннему человеку издеваться над моей дочерью.

Фан Силэй поняла все с первого раза, ее сердце сжалось от боли: посторонние говорили, что ее дочь злая и свирепая, но при ней и Лоу Юаньчжи посторонние были очень осторожны и осмотрительны, боясь вызвать их ненависть, особенно к Лоу Юаньчжи.

А что касается того, чтобы бить людей? Если она хочет бить, то пусть бьет, все равно они нехорошие люди!

Услышав такие слова от мамы, Лоу Яояо снова разрыдалась и бросилась в объятия Фан Силэй. Ей очень повезло, что у нее была такая мама, которая ее любила, и такой Цинь Чжи, который ее баловал.

Почувствовав обиду дочери, Фан Силэй вдруг отшатнулась, но, не зная причины, быстро обняла Лоу Яояо и погладила ее по спине, чтобы успокоить. Обычно она была очень занята на работе, редко бывала дома, чувствовала себя несколько отчужденной от дочери, к тому же дочь была ближе к папе, поэтому у нее еще не было большого опыта в понимании Лоу Яояо.

Почувствовав слабый аромат тела матери, Лоу Яояо вдохнула через нос:

— Мама.

— Да.

— Мама.

— Да.

— Мама, я теперь всегда буду тебя слушать.

Будь то сильная ссора с мамой из-за проблем в компании Чэнь Хао или помолвка с Чэнь Хао, несмотря на возражения мамы, она не могла изменить того, что произошло, но того, что еще не произошло, уже не будет!

Фан Силэй почувствовала, что ее глаза тоже немного увлажнились, она легонько похлопала дочь по спине и промолчала, правда это или ложь, уже хорошо, что она могла так говорить.

http://tl.rulate.ru/book/99024/3600437